

УДК 130.2:7.01
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.11
5.7.3.

Эстетическое как поле и объект культурных метаморфоз¹

Лев Абрамович Закс

Гуманитарный университет; Уральский федеральный университет
имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
u4345laz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1219-3404>

Аннотация. Статья посвящена мало разработанной в эстетике проблеме социокультурной реальности эстетического как поля и результата/объекта метаморфоз. Статья носит эстетико-культурологический характер: она соединяет культурологическое видение метаморфоз как общекультурного явления – особого типа культурных изменений, трансформаций, развития феноменов культуры в ряде важнейших аспектов ее системности – с учетом специфики метаморфоз эстетического отношения (освоения мира). Фиксируются онтологические основания культурных метаморфоз: закономерности материи и информации, особенности культуры как способа бытия людей, особенности современной культуры. Исходя из общего понимания метаморфоз как спонтанного, «самодвижущегося» и *по видимости* «естественного» процесса качественных трансформаций, а эстетического как универсального, чувственно-эмоционального по форме и духовно-ценностного по содержанию отношения, анализируются метаморфозы эстетического (с акцентом на эстетическом наших дней) в основных системных аспектах культуры. Выделяются и кратко раскрываются: генетические (порождающие) метаморфозы (превращенные формы культуры); онтологические метаморфозы (метаморфозы способов и хронотопов существования); структурные метаморфозы (метаморфозы отношений, порядков, целостностей); функциональные метаморфозы (метаморфозы деятельностей и деятельностных эффектов, их предметных и смысловых результатов); феноменальные («фенотипические») метаморфозы (метаморфозы качественного состояния, включая облик, чувственную данность (форму и фактуру), предметное и смысловое содержание конкретных культурных объектов). Интегрирующим способом видения все этих типов метаморфоз выступает метафорический концепт *протеизма*, репрезентирующий тотальную системную распространенность, многообразие и бесконечную изменяемость содержаний и форм выражения, существования и функционирования эстетического в современной социокультуре.

Ключевые слова: культура, эстетическое, метаморфозы, природные и социокультурные основания метаморфоз эстетического, основные типы метаморфоз эстетического, протезизм современного эстетического

Для цитирования: Закс Л. А. Эстетическое как поле и объект культурных метаморфоз // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 2. С. 167–177. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.11.

¹ Статья написана на основе доклада, сделанного на секции «Культурологическая эстетика» III Российского эстетического конгресса (Владимир, 2023).

The Aesthetic as a Field and Object of Cultural Metamorphoses

Lev A. Zaks

Liberal Arts University – University for Humanities; Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia,
u4345laz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1219-3404>

Abstract. The article addresses the problem of the socio-cultural reality of the aesthetic as field and result/object of metamorphosis, something that has not been much developed in aesthetics. The paper is of the aesthetic-culturological nature: it joints the culturological vision of metamorphosis as a general phenomenon of culture - a special kind of cultural change, transformation, development of cultural phenomena in some of the most important aspects of its world). The author establishes the ontological foundations of cultural systematics - taking into account the specificity of metamorphoses of aesthetic attitude (mastering metamorphoses: regularities of materia and information, peculiarities of culture as a way of being of people, peculiarities of modern culture. Based on the general understanding of metamorphosis as a spontaneous, “self-moving” and *apparently* “natural” process of qualitative transformations, and of the aesthetic as universal, sensual-emotional in form and spiritual-valuable in content, the metamorphosis of the aesthetic (focusing on the present-day aesthetic) is analysed in the main systemic aspects of culture. The author highlights and summarizes the following metamorphoses: genetic (generating) ones (transformed forms of culture); ontological (metamorphoses of modes and chronotopes of existence); structural (metamorphoses of relations, orders, wholes); functional (metamorphoses of activities and activity effects, their subject and semantic results); phenomenal (“phenotypic”) metamorphoses (metamorphoses of the qualitative state, including appearance, sensuousness (form and texture), subject and semantic content of specific cultural objects). The integrating way of seeing all these types of metamorphosis is the metaphorical concept of *proteism*, which represents the total systemic spread, diversity and endless mutability of the contents and forms of expression, existence and functioning of the aesthetic in modern social culture.

Keywords: culture, the aesthetic, metamorphosis, natural and socio-cultural bases of aesthetic metamorphosis, main types of aesthetic metamorphosis, proteism of present-day aesthetic

For citation: Zaks LA. The Aesthetic as a Field and Object of Cultural Metamorphoses. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(2):167-177. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.11.

Вместо введения

Тема настоящей статьи давно и по разным причинам интересует автора, но высказывается он (как эстетик и культуролог) по ее проблематике впервые. Постепенно она обнаруживает свои, условно говоря, «глубину», «широту» и многоплановость. Свою культурологическую и эстетическую значимость, а также связь с другими социогуманитарными науками, репрезентирующими и осмысляющими аналогичные явления и процессы в своих предметных сферах (о чем автор – в общем теоретико-методологическом плане – писал в статье [Закс 2015]). Хотя культуролого-эстетическая содержательность (пересечение культурологического и эстетического полей) темы не может отменить ее объективно доминирующего «стержня» – главного исследовательского предмета: *оснований и механизмов различного рода метаморфоз, имманентных для культуры, ее различных сфер и аспектов трансформаций*. Данный текст автор рассматривает как первичную презентацию-экспликацию названного предмета-проблемы как он существует в эстетическом измерении (хронотопе) культуры (причем – оговорюсь в скобках – «эстетическое» здесь берется в своем собственном содержании и существовании за пределами «художественного»; метаморфозность искусства и в искусстве – отдельная тема, здесь не рассматриваемая).

Если говорить о предтечах современного рассмотрения темы метаморфоз – как имманентных, по видимости будто бы самодетерминированных трансформаций сложных объектов, то тут в сознании возникают две культурные сферы: биологическая наука в ее

эволюционистском ответвлении (от Ламарка и Дарвина до Н. И. Вавилова, И. И. Шмальгаузена, Л. С. Берга, Н. В. Тимофеева-Ресовского и др. генетиков-эволюционистов) и философия. В последней, в связи с темой, вспоминаются такие разные фигуры, как Гегель (с его грандиозной и, одновременно, местами весьма темной картиной саморазвивающегося понятия и, конечно, Духа в целом), Маркс (с его, явно восходящими к опыту Гегеля, но по-своему изощренными и уже обращенными к реальности действительного социума анализами экономических, социальных и политических метаморфоз), Шпенглер (с его оригинальным видением трансформаций культуры), Ницше и Фрейд (с их – у каждого по-своему – интерпретацией и объяснением метаморфоз биологического в социодуховное). К этому великому ряду можно и нужно добавить аналитиков метаморфоз сознания и человеческой экзистенции (Дильтей и Бахтин, феноменология и экзистенциальная философия), генезиса («археологии») и «автохтонной» жизни знания, власти, языка и текстов (Фуко, Барт, Деррида), постмарксистов и фрейдомарксистов (франкфуртская школа, Лакан, Альтюссер, Мамардашвили).

Современная социокультурная реальность вносит новые основания и феноменологию, а заодно и актуальность, в звучание темы метаморфоз. Это то, что, вслед за З. Бауманом, называют «текучей современностью» [Бауман 2008], вслед за Болтански и Кьяпелло – сетевой реальностью и сетевым видением [Болтански, Кьяпелло 2011], а если следовать мрачному мировидению Бодрийяра – импловивностью [Бодрийяр 2000]. Я со своей стороны фиксирую и проблематизирую феномен и влияние *культуроцентризма* [Закс 2017; Закс 2018; Закс 2019]. А интегральным итогом сложения этих факторов и сил современности становится неразрывно связанный с темой метаморфоз и метаморфозности современной культуры и цивилизации феномен их *протеизма* (см.: [Между автономией и протеизмом 2020]; интересно работает с этим феноменом и М. Н. Эпштейн [Эпштейн 2017]).

«Метаморфозность» культуры как порождающей системы. Основные типы метаморфоз

Культура, а точнее (с учетом неразрывного единства в мире людей культурного и социального) – социокультура – самостоятельный тип реальности, сущего. Такое видение предполагает признание ее самостоятельного существования, специфических свойств и закономерностей, хотя знания о них еще далеки от полноты и достоверности. Одной из таких закономерных особенностей, или специфических законов, и является *метаморфозность* – тип атрибутивной социокультуре динамики, выражающейся в тех или иных трансформациях культурных объектов, качественных состояний и отношений, в способах/формах существования, ассимилирующих, воспроизводящих (удерживающих в себе) и сохраняющих, так или иначе, эти трансформации.

Парадокс этой особенности заключается в том, что в культуре метаморфозность и формы ее существования существуют как «естественные», самоочевидные и самодостаточные (подобно явлениям природы) и воспринимаются субъектами столь же натуралистически (как явления «первой» природы) и «результативно». В таком, присущем обычным людям, восприятию сам «механизм» скрыт, спрятан от восприятия в подтекст или, чаще, «снят» (в гегелевском смысле) результативной формой объекта, отношения или их «самоочевидным» значением. Весьма распространенный в культуре и в этом смысле «примерный» случай такой метаморфозности: универсальное для системы культуры превращение первично «функционально значимых» ее элементов (= «средств») в самоцели, самоценные объекты сознания. Такая повсеместная метаморфоза средств в цели оказывается универсальным способом субъективного освоения, присвоения и интериоризации необходимого, принуждающего извне, для субъектов вынужденного – в личностно самоценное, самодостаточное, свободно выбранное и желанное. Благодаря чему надличная «системная» необходимость/потребность утверждается и реализуется многими людьми, обеспечивая ее системную эффективность при сохранении суверенности и свободы конкретных членов общества.

С этой точки зрения вся духовная культура как мир самоценных (неутилитарных) ценностей оказывается результатом глубинной метаморфозы утилитарно-практического содержания и форм культурной жизни. Высшие (духовные) формы деятельности и их продукты, в том числе и эстетическое освоение, отвечая самим своим существованием и спецификой особой социокультурной необходимости, своим содержанием и формами (семиотической, психологической, деятельностной) выступают воплощением-реализацией культурной метаморфозы. Именно метаморфозы (в частности, метаморфозы материально-практического в духовное) обеспечивают единство культуры, единство культурного бытия и его сознания, согласованность практической жизни (удовлетворяющей материальным потребностям) и жизни духовной, удовлетворяющей качественно иным потребностям. Условно, можно говорить о согласованности и, соответственно, метаморфозности как средстве ее обеспечения в социокультурной жизни как по вертикали (генетическое единство структур и свойств), так и по горизонтали (функциональное их единство).

Если признать метаморфозы и метаморфозность универсальным свойством природы и, в меньшей мере, культуры, то правомерен вопрос об их объективных онтологических основаниях. И он, несомненно, требует специального исследования. Здесь же ограничусь самыми общими соображениями. Во-первых, сам факт универсальности феномена метаморфозности заставляет предположить его объективную связь (и его детерминированность) с фундаментальными закономерностями мира. Это, как минимум, законы всеобщей связи, материального единства мира, всех форм его движения и развития, глубинно определяющие «перманентную изменчивость бытия и присутствия» [Суворов 2018, с. 181]. Существенную роль играют и базовые свойства информации как важного основания и «участника» метаморфоз, прежде всего ее «транзитивность», или «обратимость»: способность существовать на основе разных материальных субстратов и переходить с субстрата на субстрат, с одного класса объектов на другие и обратно, связывая их в единое целое и, одновременно, реализуя/обеспечивая их трансформативность.

Во-вторых, специфика социокультуры определяет атрибутивность и особенности метаморфоз в человеческом мире. Практически-преобразовательная деятельность людей, являющаяся фундаментальным основанием всех сфер социокультурной жизни, сама выступая непрерывно самоизменяющейся реальностью, определяет константность трансформативности и метаморфозности всего «состава», структуры и динамического существования втянутого в преобразовательный континуум практики мира объектов, как естественных («натуральных»), так и искусственных («культурных»), а среди последних – как вещей, так и социальных форм, их собственного постоянного изменения. А творческая деятельность сознания (на основе воображения и фантазии), предшествуя материальному преобразованию мира и детерминируя его, как и динамику существования его «продуктов», создает (до и для этого) собственную идеальную реальность с практически бесконечными возможностями-вариантами идеально-предметных метаморфоз (о месте и роли воображения и воображаемого в культуре см., напр.: [Сартр 2001; Мунари 2014; Суворов 2018]). Что мы видим уже в активности и продуктах мифологического сознания (см., напр.: [Голосовкер 1987; Леви-Стросс 1985]), а потом в «чисто» художественной деятельности, в деятельности инженерно-конструкторской, дизайнерской, архитектурной как вариантах идеально-проектного = «фантазийного» творчества, имеющего, кстати говоря, как много лет назад показал Э. В. Ильенков, эстетическую природу [Ильенков 2014]). И в этом же идеальном континууме-поле живут, согласно убедительной и красивой философии М. М. Бахтина [Бахтин. Из записей ... 1979; Бахтин. К методологии ... 1979], неисчислимы, бессмертны и непрерывно-бесконечно переходящие друг в друга ценности-смыслы. А на «пересечении»-схождении смыслового и предметного (в более общем виде – духовного и материального) возникает многообразное (практически бесконечное) языковое, дискурсивное и текстовое творчество сознания, рождающее царство семиосферы (см.: [Лотман

1996]), одним из важнейших проявлений которого выступает феномен символа и символизма/символичности (см.: [Барт 1989; Лотман 1996; Мамардашвили, Пятигорский 1997]) – яркий пример культурной метаморфозы (духовно-ценностного в предметное, глубины в поверхность, бесконечного в конечное – и обратно). Мир социокультуры, таким образом, есть безбрежный океан разнообразных метаморфоз! Хочется повторить восклицание Н. Заболоцкого: «Как мир меняется! И как я сам меняюсь!»

Не вдаваясь в более конкретное рассмотрение многообразия видов культурных метаморфоз, выделю основные их типы, или типологические группы, по которым далее и буду рассматривать эстетическое:

- генетические (порождающие) метаморфозы: превращенные формы культуры;
- онтологические метаморфозы: метаморфозы способов и хронотопов существования;
- структурные метаморфозы: метаморфозы отношений, порядков, целостностей;
- функциональные метаморфозы: метаморфозы деятельностей и деятельностных эффектов, их предметных и смысловых результатов;
- феноменальные («фенотипические») метаморфозы: метаморфозы качественного состояния (включая облик, чувственную данность, предметное и смысловое содержание) конкретных культурных объектов.

Эстетическое как генетическая метаморфоза – превращенная форма культуры

Понятие превращенной формы я беру в интерпретации этого Марксова понятия М. К. Мамардашвили [Мамардашвили 1990]. Речь идет, если коротко, о рождении некоего специфического явления не только в поле детерминации, но и непосредственно из определенного «генетического материала». Но эти детерминация и «материал» (в процессе рождения) претерпевают метаморфозу, в результате которой рождающееся новое явление обретает совершенно иное качество, не транспарентное по отношению к своим (природным или культурным) «родителям», растворяющее их в себе, «снимающее» (= диалектически отрицающее) их собой, своим особым качеством, существованием и «миссией» (специфическим «назначением»).

Эстетическое в этом отношении есть, фактически, дважды превращенная форма. Во-первых в своем историческом генезисе (= диахронии). Культура, имея потребность в *духовном способе* освоения реальности чувственных объектов, создает этот способ как *особый*, отвечающий указанной потребности тип духовной ментальности и субъективности. Но в полном согласии с базовыми структурами жизненных практик, практических отношений и практического сознания и беря их за основу: за материал и предмет переработки-освоения и, одновременно, их «снятия» – ведь теперь целью осваивающей активности сознания является удовлетворение качественно иной: нематериальной (*идеальной*) и непрактической, неутилитарной (*духовной*) потребности. Поэтому к генетическому «материалу» в случае эстетического «добавляются» и первичные (по крайней мере, по отношению к нему автономные) структуры духовной культуры: познавательные, морально-нравственные, мировоззренческие (в том числе религиозные). Это нужно (культура телеологична!) для того, чтобы живущее в «логике духовного сознания» эстетическое (эстетическая ориентация и гармонизация внутреннего мира людей) было адекватно «логике» действительности (природы, общества, культуры). Обобщая, можно сказать: эстетическое как особый «всечеловеческий» способ духовного освоения мира изначально «запрограммировано» на соответствие «неэстетической» социокультурной и природной реальности, находится с ней в сложных отношениях «нетождественного тождества».

Во-вторых, эстетическое – превращенная форма реальности мирочеловеческих отношений в своем конкретном существовании в пространстве и времени (= синхронии). Мир конкретных (исторически, этнически, регионально, гендерно и т. д.) эстетических ценностей и сопряженных с ними субъективных состояний (эстетическое сознание) каждый раз качественно определяется конкретными содержаниями и формами прак-

тического, психического и духовного опыта данной социокультурной системы (хотя эту связь-зависимость познать и показать может только внеаходимое эстетическому рациональное мышление). Что относится как к «большим» устойчивым, коренящимся в самих основах жизни и потому имеющим прочные антропологические и мировоззренческие основания типам ценностей (вроде трагического и возвышенного²), так и к постоянно меняющимся эстетическим реалиям и их значениям вроде моды или стилей вещей, хронотопов, образов жизни, бытового и иных видов социокультурного поведения. Тут открывается потребность и исследовательское поле практически бесконечной историко-культурологической эстетики, для которой, кстати, важно (социально необходимо!) обрести, помимо ретроспективного, еще и проспективное = предвидящее измерение. Что – в контексте динамики современного развития – требует методологии и теории прогнозирования и проектирования необходимых и возможных эстетико-генетических метаморфоз. Пока мы даже уже случившиеся метаморфозы эстетического (что называется «задним числом») объяснить, как следует, не умеем, а ведь предвидеть эстетические превращения гораздо сложнее.

Эстетическое как онтологический Протей культуры

Способность существовать во всех сферах отличала эстетическое на протяжении всей истории человечества. Лосев вполне доказал тотальность эстетического в Древней Греции. Но эстетическое существовало по-разному, в разной степени, масштабе и, главное, качестве этой повсеместности. Скажем, ранний индустриальный капитализм, раннебуржуазный европейский город и особенно первые индустриальные производства были примитивно эстетичны, неэстетичны, даже антиэстетичны (Гейне, высоко ценивший эстетизм ручного труда британских ремесленников, с плохо скрываемым ужасом реагировал на антиэстетизм, то есть, что более точно, негативно значимый эстетизм = безобразность условий жизни лондонской городской бедноты [Гейне 1982]). Сегодня мы имеем основание говорить, что онтологическая метаморфозность эстетического носит характер протеистический. Не только распространенность, повсеместность, а именно метаморфозность. В современной социокультуре эстетическое у нас на глазах демонстрирует способность не просто «оказываться» в любых сферах жизни, переноситься «в готовом виде» из одних сфер в другие. Эстетическое сегодня (впрочем, как и в прошлом – разница только в более высоком уровне развития современной культуры: большем разнообразии и эффективности средств и способов практического и эстетического освоения мира) возникает в любой точке социокультурного пространства как результат метаморфозы неэстетического – выражение новых степеней человеческого овладения миром, его очеловечивания. Что выражается как в мощи и разнообразии творческих возможностей идеального и, главное, практического созидания богатства чувственных объектов (их форм и духовно-ценностных содержаний), так и в современном техническом оснащении и развитии психосемантических способностей (визуального и слухового восприятия, эстетической чувственности, интуиции, фантазии) самих субъектов (см., в частности: [Сальникова 2012; Киттлер 2009; Вайбель 2011])³. С другой стороны, и одновременно, эстетическое как культурная сила, тип ментальности, особый культурный дискурс само работает как источник метаморфозы повсеместной эстетизации. Причем источник-сила-ресурс, способный к протеистической эстетической варибельности-спецификации в соответствии с бытийной спецификой каждой конкретной сферы и конкретного явления⁴. От великого до малого, от массового до интимного, от официального до приватного, от профессионально специ-

² Например, написанное Кантом о возвышенном или Гегелем о трагическом сохраняет свою значимость истины и для нас.

³ Интересный анализ развития визуальной культуры в XIX веке см. в [Крэри 2014].

⁴ Эстетическое тут выступает как специфическое выражение и продолжение общей специфики человеческого мироотношения, умеющего, по тонкому наблюдению молодого Маркса, относиться к каждому конкретному явлению в соответствии с его собственной сущностью, собственной «мерой» (см. [Маркс 1974, с. 94]) и именно поэтому способного также и к эстетическому его освоению.

ализированного («тотальный дизайн» современных мегаполисов во всех частях света) до любительского (потрясающий домик в селе Кунара Невьянского р-на Свердловской области – труд «уральского умельца» С. И. Кириллова), от только создаваемого «нового» до восстанавливаемого, возвращаемого в жизнь «старого» (так называемая джентрификация, мода на различные варианты ретростиля, винтаж) и его руинизированных и музеефицированных «остатков». Массовое распространение дигитальных средств репрезентации многократно умножает эстетическое насыщение реальности, прежде всего – информосферы (реальности образов), а последняя – благодаря своей технической и рыночной доступности, простым, компактным и комфортным способам своего сохранения – становится неотъемлемой частью всегда сопутствующей человеку, буквально всегда носимой им с собой («*Omnia mea mecum porto*») его эстетизированной культурной среды.

Эстетическое как структурный Протей культуры. «Эстетическое» и «структура» связаны многоаспектно. И метаморфозность имеет место сегодня практически в каждом аспекте.

Первый тесно связан с онтологической стороной метаморфозности. Культуротворчество как созидание новых реалий имеет своей базовой и самой выразительной стороной *структуротворчество*. Современная культура меняет старые, привычные структуры, повсеместно творит новые, и не только в мире вещей и предметных пространств, но также и в области человеческих отношений, институциональных форм, форм общения, группового и индивидуального поведения. И неотъемлемой частью структурных метаморфоз повсеместно выступает эстетическое измерение: аспект новой выразительности новых и старых структур, нового стиля социальных отношений, общения и поведения групп и индивидов. Эстетическое, с одной стороны, проявляется там, где его раньше не было (выразительный пример – уже рассматривавшееся мной анатомическое творчество Г. фон Хагена [Закс 2021]), а с другой – получает новый образ и звучание, радикально меняя старые и творя новые формы вещей (например, новые варианты хайтека), архитектуры (см. шедевры классиков постмодернизма З. Хадид, Д. Либескинда, Р. Пиано, С. Колотравы и др.), общественных производственных (коворкинги, другие структуры современных офисов) и городских (пешеходные и торговые зоны, детские площадки, остановки общественного транспорта и др.) пространств. При этом и социальные формы все больше программируются и реализуются как эстетически выразительные и эстетически смыслоносные, а к традиционным формам социальных ритуалов добавляются новые. Так, сегодня любое массовое спортивное мероприятие превращается в праздник-представление-шоу с участием как спортсменов, так и болеющей за них и жаждущей эстетических наслаждений публики; эстетизируются массовые общественные, политические, просветительские, мемориально-культурные, не говоря уже о рекламно-маркетинговых, акции и мероприятия. И, пусть и не без трудностей, новый уровень сложности, мастерства и эффективности (выразительного качества) получают эстетические метаморфозы живого человеческого тела в косметической (эстетической!) хирургии (см., напр.: [Падмор 2005]).

Другой значимый аспект структурных метаморфоз современного эстетического: сопряжение, сосуществование и интеграция в рамках различных социокультурных целостностей эстетического со многими вариантами неэстетического (утилитарное разных видов: от производственного, рыночного и политического, биофункционального и бытового до сексуального и психоделического; морально-нравственное, научно-познавательное, информационно-просветительское и многое другое как эстетически нейтральное). Здесь интересна логика взаимодействия и взаимовлияния, по сути – взаимопроникновения, потенциально порождающего амбивалентные метаморфозы эстетизации неэстетического и деэстетизации, утилитаризации/функционализации эстетического и, наконец, возникновения современных микстов эстетического с неэстетическим. Своего рода кентавров или «тяни-толкаев», как бы втянутых в процесс зримых превращений и взаимных «деконструкций». Здесь в «жизни» действует, по-

беждая-преодолевая разноприродность и противоречивость отношений эстетического с неэстетическим, присущий искусству (а историко-генетически – мифопоэтическому мышлению) механизм сопряжения («монтажа») всего со всем (по М. В. Ломоносову, «сопряжения далековатых идей»), создавая различные, широкого спектра, интегрирующие логики, ведущие и к новым вариантам формо- (значит, и смысло-) образования с особенной (осциллирующей и «плавающей») эстетической феноменологией.

Наконец, еще один, имманентный для эстетического, момент метаморфозности. Создавая новые выразительные структуры, их творцы тем самым запускают, не всегда для них предсказуемые по результату, метаморфозы в плане эстетических значений и состояний субъективности. И та же динамика может запускаться, так сказать, с обратной стороны: эстетическая субъективность в новых контекстах начинает интуитивно открывать и переживать новые ценности-смыслы, творчески опредмечиваемые в новых выразительных формах-структурах. Динамика и радикализм социокультурных изменений определяют и постоянство (неустранимость), и тотальность, качественную «протеистичность» и новаторский характер подобного рода структурных метаморфоз.

Эстетическое как функциональный Протей культуры. Здесь в эстетическом проявляется, я думаю, общее и важное свойство системы культуры, ее вненатуральной специфики. Культура – территория так называемых *функциональных отношений и свойств*. Связанных с натуральными (шире – вообще материально-предметными) субстратами, но не тождественных с ними, к ним не сводимых. Отсюда принципиальная возможность полифункциональности объектов и полиобъектности реализации функций и функциональных отношений. Обобщенно говоря, функциональная динамика и обратимость культурных феноменов. А это и означает принципиальную необходимость и возможность многих и разных функциональных метаморфоз. Иногда – почти невероятных, понимаю «здравого смысла» недоступных.

Эстетическое – и как поле, и как конкретные эстетически значимые явления, и как сами эстетические значимости-ценности – в полной мере феномен культуры и территория нормальных для него функциональных метаморфоз. Вот для начала известные и, кажется, «непостижные уму» примеры таких метаморфоз. Давняя модернистская эстетическая метаморфоза (точнее – одновременно две). Во-первых, превращение наиболее ценимой, сакрализованной и любимой, в своем существе – позитивной, жизнеутверждающей ценности: прекрасного – в негативный ценностный феномен и силу, порочный, преступный, разрушающий нормальную жизнь. Во-вторых, «симметричная» первой метаморфоза – эстетизация безобразного: не меняя, как и в первом случае, своих фенотипических свойств, безобразное удивительным образом получает украшающую его и тем «оправдывающую» ауру, звучание, способ представления (выразительный пример такой метаморфозы – многие фильмы Л. фон Триера). Сегодня это уже традиционные, хотя и по-прежнему странные и «аномальные» для обычного сознания метаморфозы. Но современность множит число и масштаб распространения других метаморфоз.

Наверное, наиболее широко представленная в современности функциональная метаморфоза эстетического – его функционирование в качестве иных компонентов культуры. С этой точки зрения можно констатировать изменение, а то и отмену прежних функциональных границ эстетического, к которому вполне применима метафора текучести З. Баумана. По сути, его превращение из самобытно-специфического самоценного автономного явления, служащего своим особым целям, а в принципе – «бесцельно целесообразного» (Кант), в выполняющего конкретные и не уникальные для него функции, работающего в качестве «субститута» чего-то иного, например морально-нравственного. Если Пушкин считал, что «поэзия выше нравственности – или, по крайней мере, совсем иное дело» [Пушкин 1988, с. 359], то для Бродского эстетическое (поэзия) – это, фактически, первичная форма нравственности, работающая именно как нравственный инструмент: «...эстетика – мать этики; понятия “хорошо” и “плохо” – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории “добра” и “зла”» [Бродский 2003, с. 47]. Современное эстетическое в своей специфике в наши дни функ-

ционирует как некий универсальный компонент и способ действия любых современных функциональных систем: от медицины и спорта, промышленного производства и строительства до педагогики, церковной службы, пиара и рекламы, создания научных теорий, экологии, IT-технологий и даже военного дела. Превращение дизайна во всеобщую проектную методологию демонстрирует практическую универсализацию эстетического способа мироотношения, эстетической конструктивной и эмоциональной логики как парадигмы современного культурного сознания (чему, по-видимому, на уровне культурного метасознания (философской рефлексии) соответствует утверждение Г. Хармана о центральном месте и ключевой роли эстетики в системе философского мировоззрения («Эстетика – корень всякой философии»)) [Харман 2021, с. 61–101]. А в центре этого поля метаморфоз начатая уже в XX веке и еще более широкая в новом веке политизация эстетического (что равносильно повсеместной эстетизации политического, не обошедшей даже террористические практики), становящегося важнейшим агентом и орудием всего «поля политического» (П. Бурдьё). Превратившего собственные формы, ценности и психологию в способы артикуляции политических интенций и действий, утверждающего политические цели и практики, открыто или имплицитно участвующего в борьбе власти и за власть, отстаивающего собственный властный потенциал и значение, отождествляющего свои некогда духовно самоценные эффекты с политико-прагматическими. Мы видим это, например, в современном кинематографе, где как артхаусное кино, так и масскультовские фэнтези и ужастики всё полнее и отчетливее выражают политическую направленность. Еще более явно видна политизация эстетического именно в активных процессах эстетизации политического: во всем мире политические субъекты и структуры целенаправленно и всё более широко используют ресурсы эстетической культуры: выразительные формы политических актов и символически значимых вещей, текстов и институтов, образов искусства, рекламы, коллективной памяти и мифологии, энергетику эстетических чувств и эмоций, глубинные коды эстетических традиций и модерные эстетические стили поведения, общения, одежды, речи.

Эстетическое как феноменальный (чувственно-рецептивный) Протей культуры

Здесь мы как будто возвращаемся к генетическому виду метаморфоз эстетического, но с его результативно-продуктивной стороны и ее фенотипического богатства. Фенотипический протейзм эстетического заключается в тотальной эстетизации сущего, в способности современного эстетического проникнуть в его любые уголки, придать видимость его самым невидимым закоулкам, сияющий и волнующий смысл его самым банальным и скучным проявлениям, заставить нас обратить внимание и присмотреться (прислушаться) к тому, что никогда прежде внимания не привлекало или вызывало одно только отталкивание, граничащее с презрением или отвращением. Эстетика подержанных вещей («старья»), заброшенных жилищ и развалин, каждодневного мусора⁵. Но это только чувственно-феноменально богатая периферия, «окраина» современной эстетической реальности – рядом пролегает ее широчайший «мейнстрим» с эстетизацией всей чувственной реальности «по горизонтали и вертикали», в ее поверхности и глубине, в ее традиционных предметностях и их прежде тоже будто не замечавшихся проявлениях, например таких, как современные бытовые предметы или фактуры старых и новых материалов, в которых эстетическое позволяет увидеть и пережить, говоря словами А. Платонова, «вещество существования». Ткани, пластик, бумага, дерево, стройматериалы, стекло «стеклотары», камни, обыкновенная земля как в «высоком»

⁵ Не случайно, я думаю, совпадение: в момент, когда я пишу этот текст, мне на почту приходит приглашение на лекцию питерского эстетика Д. Ю. Игнатъева, в аннотации к которой говорится: «В фокусе внимания оказываются окраинные регионы чувственного, осваивающие невыразительные пространства городских окраин и “эстетику панелек”. Анализ опыта эстетического переживания скучного и безальтернативно повседневного возвращает эстетике чувственное как изначальный предмет ее разработки».

качестве почвы, так и в малосимпатичном состоянии банальной грязи (тут вспоминаются многие артефакты актуального искусства и мощная философско-поэтическая живопись А. Кифера, в частности его образы земли-почвы в цикле больших полотен памяти В. Хлебникова, и его же поразительной духовной глубины и чувственной силы инсталляции).

Не делаю глубокомысленного заключения. Эти заметки – наметки, наброски, которые, думается, могли бы стать основой не одного эстетико-культурологического исследования. Которые могли бы существенно дополнить известную картину социокультурной онтологии эстетического в пространстве и во времени в ее особом процессуально-результативном состоянии. Но это состояние – метаморфозы – в своей эстетической специфике как раз и требует специального системного эстетико-культурологического анализа.

Список источников

- Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
- Барт Р. *Воображение знака* // Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика* : пер. с фр. М. : Прогресс, 1989. С. 246–252.
- Бахтин М. М. *Из записей 1970–1971 годов* // Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М. : Искусство, 1979. С. 336–360.
- Бахтин М. М. *К методологии гуманитарных наук* // Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М. : Искусство, 1979. С. 361–373.
- Бодрийяр Ж. *В тени молчаливого большинства, или Конец социального* / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
- Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма* / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М. : Новое книжное обозрение, 2011. 976 с.
- Бродский И. А. *Лица необщим выраженьем : Нобелевская лекция* // Бродский И. *Сочинения Иосифа Бродского* : в 7 т. Т. 6. СПб. : Пушкинский фонд, 2003. С. 44–54.
- Вайбель П. *10++Программных текстов для возможных миров* / пер. с нем. О. Никифорова, Б. Скуратова. М. : Логос, 2011. 304 с.
- Гейне Г. *Английские фрагменты. Гл. II : Лондон* // Гейне Г. *Собрание сочинений* : в 6 т. Т. 3 : *Путевые картины*. М. : Худож. лит., 1982. С. 367–372.
- Голосовкер Я. Э. *Логика мифа*. М. : Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1987. 218 с. («Исследования по фольклору и мифологии Востока»).
- Закс Л. А. *К познанию специфики современного искусства: культуроцентристская парадигма художественного сознания* // *Художественная специфика и социальный потенциал современного искусства* : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. С. 43–103.
- Закс Л. А. *Об особенностях современной социально-гуманитарной картины мира и некоторых ее следствиях: против радикального эмпиризма* // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки*. 2015. № 3 (143). С. 88–101.
- Закс Л. А. *Современная эволюция/революция культуры и формирование культуроцентристской парадигмы сознания (на примере философии и социогуманитарных наук)* // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 : Общественные науки*. 2018. Т. 13, № 4 (182). С. 40–53.
- Закс Л. А. *Современная эволюция/революция культуры и формирование культуроцентристской парадигмы сознания (на примере философии и социогуманитарных наук)* // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки*. 2019. Т. 14, № 1 (185). С. 154–166.
- Закс Л. А. *Эстетическое наших дней: новая феноменология* // *Koinon*. 2021. Т. 2, № 3. С. 44–66. DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.027.
- Ильенков Э. В. *Об эстетической природе фантазии. Что там, в Зазеркалье?* М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 128 с.

- Киттлер Ф. Оптические медиа : Берлинские лекции 1999 года / пер. с нем. О. Никифорова, Б. Скуратова. М. : Логос, 2009. 272 с.
- Крэри Дж. Техники наблюдателя / пер. с англ. Д. Потемкина. М. : V-A-C-press, 2014. 256 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова. М. : Наука, 1985. 399 с. (Этнографическая библиотека).
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Мамардашвили М. К. Превращенные формы: О необходимости иррациональных выражений // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М. : Прогресс, 1990. С. 315–328.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Изд. 2-е. Т. 42. М. : Изд-во политической литературы, 1974. С. 41–174.
- Между автономией и протеизмом: формы/способы социокультурного бытия и границы современного искусства : монография / Л. А. Закс, Т. А. Круглова, И. В. Кондаков, В. В. Абашев, Н. В. Барковская, А. А. Суворова, П. Б. Богданова, М. П. Абашева, В. Г. Богомяков, М. Г. Чистякова, Л. М. Немченко ; науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020. 330 с.
- Мунари Б. Фантазия: изобретение, креатив и воображение в зрительных коммуникациях / пер. с ит. Т. Стамовой. М. : Изд. Д. Аронов, 2014. 216 с.
- Падмор К. Выразительная плоть: косметическая хирургия, физиогномика и стирание визуальных различий // Массовая культура: современные западные исследования: сб. ст. / пер. с англ. ; отв. ред. и предисл. В. В. Зверевой ; послесл. В. А. Подороги. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 97–113.
- Пушкин А. С. Мысли о литературе. М. : Современник, 1988. 640 с.
- Сальникова Е. В. Феномен визуального. От древних истоков к началу XXI века : монография. М. : Прогресс-Традиция, 2012. 576 с., ил.
- Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / пер. с фр. М. Бекетовой. СПб. : Наука, 2001. 319 с.
- Суворов Н. Н. Воображаемое как феномен культуры. СПб. : СПбГИК, 2018. 300 с.
- Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова М. : Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
- Эпштейн М. Н. Протеизм // Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 249–251.

Информация об авторе

Лев Абрамович Закс, д-р филос. наук, завкафедрой социально-гуманитарных наук, декан факультета современного танца, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет»; профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Департамента философии Уральского гуманитарного института, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Lev A. Zaks, Dr. Sci. (Philosophy), Head of Social and Human Sciences Department, Dean of Contemporary Dance Faculty, Rector of Liberal Arts University – University for Humanities; Professor at History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 28.03.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 14.04.2024.

Принята к публикации | Accepted 15.04.2024.